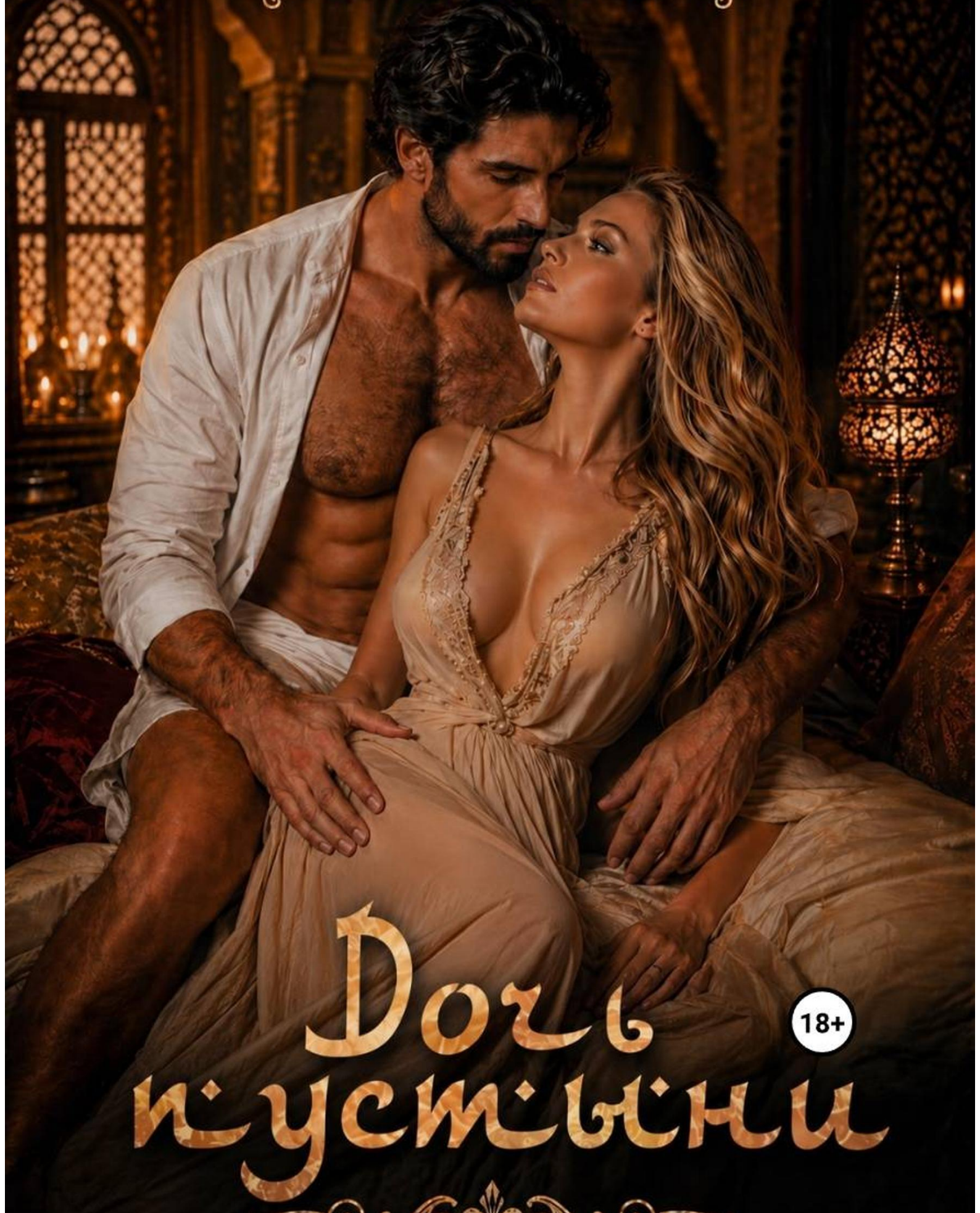

Хелена Любимая

— ❧ — Книга 1 — ❧ —

До 26
кисельных

18+

Хелена Любимая

Дочь пустыни

«Автор»

2026

Любимая Х.

Дочь пустыни / Х. Любимая — «Автор», 2026

Она приехала в пустыню, чтобы забыть. Он взял её в плен, потому что не верит случайностям. Она вернулась, чтобы остаться. Он не знает, как её отпустить. «Дочь пустыни» — роман о том, как одна женщина променяла безопасность Москвы на песок, звёзды и мужчину, который опасен.

© Любимая Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пленница	5
Глава 2. Возвращение	10
Глава 3. Стихи на песке	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Хелена Любимая

Дочь пустыни

Глава 1. Пленница

Она приехала в Оман в начале марта, когда московская зима ещё цеплялась за улицы серым снегом, застывшими лужами и тем особенным холодом, который рождается в человеческом одиночестве. Последние месяцы её жизнь текла уныло и бесцветно, словно часы в пустой комнате: работа, вечерние пробки, редкие разговоры с матерью и молчание квартиры, где слишком громко звучали собственные мысли. Человек, которого она когда-то любила с той доверчивой самоотдачей, что свойственна лишь женщинам, ещё не научившимся бояться унижения, ушёл от неё с легкой брезгливостью, будто стряхнул с рукава надоевшую пыль. Перед расставанием он бросил ей жестокую фразу, долго потом звучавшую в памяти, как насмешливое эхо:

— Ты слишком скучная для путешествий. Да и для жизни тоже.

Эти слова ранили её сильнее, чем она готова была признать даже самой себе. И, быть может, именно поэтому Алина решилась на поездку, которая ещё недавно показалась бы ей безрассудной. Она не столько желала увидеть чужую страну, сколько стремилась доказать самой себе, что жизнь её не окончательно превратилась в череду осторожных, выверенных шагов; что где-то под усталостью и привычной рассудительностью всё ещё жива женщина, способная на дерзновение, на внезапный порыв, на тот опасный внутренний голод, который толкает человека навстречу неизвестности. Ей казалось, будто солнце, море и бесконечные пространства смогут выжечь из сердца остатки прежней боли, как пустынный ветер стирает следы на песке.

Первые дни путешествия действительно принесли ей забытое чувство лёгкости. Маскат встретил её белыми домами, запахом специй, горячим ветром и морем такого глубокого синего цвета, какого она прежде не видела даже на фотографиях. По вечерам она долго сидела на берегу, слушая шум волн и глядя на чужое небо, где звёзды казались ближе и ярче, чем над Москвой. И всё же именно пустыня манила её сильнее всего. В рассказах туристических гидов и случайных собеседников она слышала о Руб-эль-Хали как о живом существе – древнем, беспощадном и прекрасном, способном либо навсегда покорить человека, либо уничтожить его. В этой безмолвной бесконечности ей чудилось что-то сродни собственному состоянию: такая же пустота, скрывающая под внешним спокойствием опасную глубину.

Она арендовала джип и наняла местного проводника – молодого парня с бегающими глазами и слишком лёгкой улыбкой. Уже тогда её насторожило, с какой поспешностью он согласился на меньшую оплату и как многословно уверял её в собственной опытности. Однако Алина, привыкшая считать подозрительность проявлением трусости, заставила себя не придавать этому значения и отправилась в пустыню Руб-эль-Хали, не подозревая, что тем самым пересекает границу между привычным порядком жизни и тем пространством, где случайности обретают иной, почти зловещий смысл. Сначала дорога казалась безопасной: редкие стоянки бедуинов, верблюды, лениво бредущие среди песков, полосы горячего воздуха, дрожащие над землёй. Проводник без умолку рассказывал ей о старых караванных путях, о колодцах, скрытых среди барханов, о людях, которые способны неделями жить в пустыне и находить дорогу по звёздам. Его голос звучал беспечно и весело, но чем дальше они уезжали от цивилизации, тем чаще он начинал оглядываться по сторонам и замолкал на полуслове, словно прислушиваясь к чему-то невидимому.

Алина же практически не замечала его тревоги. Она смотрела на бесконечные волны песка с тем восторгом, который испытывает человек, внезапно оказавшийся перед лицом чего-то огромного и древнего. Пустыня казалась ей живой. Ветер перебирал вершины барханов, как пальцы перебирают складки тяжёлой ткани, солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая песок в густые медные оттенки, и всё вокруг дышало такой первозданной свободой, что ей на мгновение почудилось: прежняя жизнь осталась где-то бесконечно далеко, в другом мире. Она не заметила, как они сбились с маршрута. Да и как могла она, впервые ступившая на эту землю, различить среди одинаковых песков верную дорогу и гибельное отклонение?

Сумерки начали сгущаться стремительно, как это бывает на Востоке. Свет потемнел, стал густым и тревожным, а ветер внезапно усилился, швыряя песок в стёкла машины. Проводник внезапно умолк, его лицо побледнело, а рука, державшая руль, едва заметно дрогнула. В тот самый миг, когда Алина подняла голову, в тишине раздался глухой, нарастающий гул моторов, и из-за бархана появились чёрные джипы.

Всё произошло с той страшной быстротой, при которой сознание не успевает поверить в реальность происходящего. Машины окружили их, кто-то распахнул дверцу джипа, грубые руки вытащили её наружу, один мужчина резко заломил ей руки за спину, другой набросил на лицо плотную ткань, пропахшую потом и пылью. Мир исчез. Остались только удары собственного сердца, шум ветра и чужой голос возле самого уха, лишённый всякой человеческой мягкости.

— Молчи, если хочешь жить!

Она подчинилась сразу, потому что в этих словах звучала такая спокойная уверенность во власти над чужой жизнью, что сопротивление показалось ей бессмысленным. Где-то неподалёку раздался короткий крик проводника, затем глухой удар, и всё стихло. Её куда-то тащили, толкали, усаживали в машину, а внутри неё, среди панического ужаса, билась только одна мысль: «Я умру здесь. Меня никто не найдёт». Москва, мать, работа, привычная жизнь – всё это стало призрачным и далёким, как сон, увиденный в детстве.

Когда сознание вернулось, она обнаружила себя лежащей на грубой, но чистой циновке в шатре, наполненном терпким ароматом ладана, от которого кружилась голова, и пересохло во рту. Ткань с лица была снята, но руки всё ещё были связаны. Сквозь полупрозрачную ткань стен пробивался тусклый золотистый свет. У входа неподвижно стояла женщина в чёрной одежде, высокая, с усталым лицом и глазами, в которых не отражалось почти никаких чувств.

— Ты в безопасности, — произнесла она на хорошем английском. — Я Фатима. Не бойся, девочка.

Но именно спокойствие её голоса испугало Алину сильнее всего. В этих словах не было ни участия, ни утешения – только привычка произносить их много раз прежде, словно подобные пленницы появлялись здесь не впервые. Дни потянулись медленно и однообразно. Её кормили, приносили воду, позволяли спать, но наружу не выпускали. Время потеряло очертания. Она больше не знала, утро сейчас или вечер, и лишь по изменению света за тканью шатра могла угадывать движение солнца. Иногда ей казалось, будто пустыня поглощает её память, стирая прежнюю жизнь.

Где-то на четвёртый день появился он. Высокий мужчина вошёл в шатёр, и само его присутствие изменило воздух вокруг, наполнив пространство тяжёлым ощущением силы. На нём была белая рубаха и тёмные брюки, движения его отличались той ленивой уверенностью, какая свойственна людям, никогда не сомневающимся в собственном праве приказывать. Лицо его было резко и красиво той опасной красотой, что не вызывает доверия: тёмные глаза, жёсткая линия губ, неподвижный взгляд человека, привыкшего решать чужие судьбы без колебаний. Он остановился напротив неё и некоторое время, молча, рассматривал её паспорт.

— Ты русская, — произнёс он, наконец.

Звук родной речи, прозвучавший в этом чужом, суровом месте, заставил Алину вздрогнуть; лёгкий акцент придавал его словам необъяснимую притягательность, и на мгновение ей показалось, что спокойствие его голоса не соответствует той власти, которую он над ней имел.

— Глупая туристка, которая забралась туда, куда не следует?

— Меня похитили, — выдохнула она. — Я заплачу. Сколько скажете.

Он поднял на неё взгляд, и уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Ты, правда, думаешь, что мне нужны деньги?

— А что тебе нужно?

Он сел напротив, взял чашку с чаем и отпил так спокойно, будто разговор шёл не о её жизни. Алина поймала себя на том, что следит за его руками, за медленными движениями длинных пальцев, и это почему-то пугало её так же сильно, как сам факт плена.

— Два дня назад мои люди перехватили караван контрабандистов на восточной границе, — произнёс он. — Те, кто ушёл, бросили машину. Твою машину. Ты либо их сообщница, либо плата, оставленная, чтобы отвлечь меня. Теперь ты моя проблема.

— Я никого не знаю! Это не моя машина! Я туристка! Я наняла проводника! У меня билет в Москву!

— Забудь о билете, — сказал он равнодушно. — Твой проводник работал на людей моего врага. Ты приехала на чужую землю с чужими людьми. Случайностей в пустыне не бывает.

В его голосе не было злобы, и именно это делало его опаснее. Он смотрел на неё так, будто пытался увидеть под её словами что-то иное, скрытое даже от неё самой. И всё же в глубине этого холодного взгляда на мгновение мелькнуло нечто неуловимое – не насмешка, не жалость, а скорее любопытство человека, неожиданно столкнувшегося с тем, чего не ожидал встретить среди песков.

— Пока я не узнаю, кто ты на самом деле, ты останешься здесь, — произнёс он наконец. — Женщины племени присмотрят за тобой. Не пытайся бежать. Вокруг пустыня на сто километров.

С этими словами он поднялся и вышел, оставив за собой тяжёлое ощущение незавершённости, словно разговор был лишь прологом к чему-то более серьёзному. Алина осталась сидеть на полу, обхватив колени руками, и реальность происходящего казалась ей почти невозможной. Ещё недавно она была начальником отдела продаж, обычной женщиной с ипотекой и кошкой по имени Мотя, чья жизнь текла в предсказуемом ритме, и вот теперь она оказалась в шатре среди пустыни, пленницей человека, для которого её существование было лишь обстоятельством. Мысли о доме, о матери, о серой, но родной Москве всплывали в сознании, как обрывки сна, и от этого контраста сердце сжималось ещё сильнее.

Позднее Фатима принесла ужин и, опустившись рядом, произнесла тихо:

— Его зовут Заид. Он шейх этих земель. И он не верит в случайности.

— Но это правда.

— Я служила многим шейхам до него. И знаю: тот, кто приходит в пустыню без цели, отсюда не уходит. Ты жива – значит, у тебя есть цель. Или она есть у тех, кто тебя послал. Он не отпустит тебя, пока не разберётся.

— Разберётся в чём?

— В том, кто ты и зачем приехала.

— Я приехала отдохнуть! — возмутилась Алина. — Я просто хотела увидеть пустыню! Мой проводник сбился с дороги!

— Может быть, — ответила Фатима. — Но пустыня редко приводит людей друг к другу просто так.

Ночь тянулась бесконечно, и Алина лежала на циновке, глядя в тёмный потолок шатра, пытаясь представить звёзды, мерцающие над плотной тканью, тогда как снаружи ветер шуршал, перебирая складки материи. Мысли о доме, о матери, о работе, где её отсутствие ещё

не заметили, но скоро заметят, переплетались с тревогой и усталостью, образуя тяжёлый узел, который не давал ей уснуть. Страх всё ещё жил в ней, но где-то глубоко под ним рождалось любопытство к человеку, который смотрел на неё так, будто её появление действительно что-то изменило в его судьбе. И именно это пугало её больше всего.

На восьмой день её вывели из шатра. За это время Заид, используя спутниковую связь, связался с людьми в Маскате и установил, что женщина действительно туристка, а её проводник числится в розыске за связи с контрабандистами. Пустыня встретила её жаром и резким ветром, будто желая напомнить о своей безжалостной природе. Заид стоял к ней спиной, устремив взгляд к горизонту, а ветер трепал полы его белой рубахи, но тот стоял неподвижно, как скала.

— Хочешь домой? — спросил он, не оборачиваясь.

— Хочу.

— Я проверил. Ты действительно туристка. Глупая, наивная и везучая. Твой проводник работал на людей, которые охотятся за моими караванами. Они подбросили тебя, как приманку, или просто использовали как прикрытие. Уже не важно. Ты не шпионка.

— Я же говорила! — в её голосе прорвалась злость. — Вы могли меня убить! Вы держали меня взаперти, как преступницу, а виноват только ваш дурацкий проводник!

Он обернулся, и в его глазах появилась холодная усмешка, в которой не было ни раскаяния, ни сожаления.

— Ты жива. Это больше, чем заслуживают те, кто попадает в такие истории.

Она хотела закричать, потребовать, чтобы он понял весь ужас этих восьми дней, но голос предательски дрогнул, и вместо гнева вырвалось почти детское:

— Вы не ответили. Вы извинитесь?

Тишина повисла в воздухе, и даже ветер, казалось, на мгновение стих. Фатима, стоявшая поодаль, опустила глаза, охранники переглянулись. Заид сделал шаг вперёд, и хотя Алина не отступила, всё внутри неё сжалось от осознания его близости и как легко он нарушает её пространство, не делая ни одного лишнего движения. Он посмотрел на неё сверху вниз, и в его голосе прозвучало что-то, не терпящее возражений:

— В моей пустыне, русская, не извиняются. Здесь либо живут, либо умирают. Ты жива. Скажи спасибо за это и не проси большего.

— Спасибо? Вы похитили меня, держали взаперти восемь дней, напугали до полусмерти... за это благодарят?

Его губы едва заметно дрогнули, и в этом движении можно было уловить нечто двойственное – насмешку или, быть может, зачаток уважения.

— Ты смелая. Или глупая. Здесь граница тонкая. Я сказал: ты свободна. Завтра тебя отвезут в город. Там получишь документы в посольстве. Этого достаточно.

— А если я захочу извинений?

— Тогда оставайся, — произнёс он тихо, и в этом «оставайся» прозвучало что-то, отчего у неё перехватило дыхание. — И узнай, что в пустыне слова значат меньше, чем поступки. Пустыня иногда дарит второй шанс. Не проси меня извиняться, проси себя быть умнее.

Алина выдохнула, не находя ответа. В ней боролись гнев с чем-то другим – странным и незнакомым, от чего хотелось смотреть в его глаза и не отводить взгляд.

— Ладно, — сказала она, наконец. — Спасибо, что отпускаете.

— Умная девочка.

Кивнул он с усмешкой и вдруг спросил:

— Зачем ты ехала в пустыню?

Она замялась, но всё же ответила, признаваясь самой себе:

— Хотела почувствовать, что живу. Что я не просто хожу на работу и плачу ипотеку. Что я могу быть смелой.

Он посмотрел на неё так, что в этом взгляде было одновременно и испытание, и нечто неуловимое, заставляющее её внутренне напрячься.

— И как? — спросил он. — Нашла свою смелость?

— Не знаю, — ответила она. — Наверное, да. Потому что сейчас я стою перед вами и не боюсь.

— Ты врёшь, — сказал он без злости. — Боишься. Я вижу, как дрожат твои руки. Но ты не отступаешь.

Он сделал шаг назад, даря ей пространство.

— Запомни пустыню, женщина. Она забирает слабых и оставляет сильных. Ты оказалась сильной? Это не каждый день случается.

Её увезли тем же вечером, когда солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая пески в цвет старой меди. Сидя в джипе, Алина смотрела, как фигура шейха постепенно растворяется в зыбком мареве жаркого воздуха, и ощущала в груди странную пустоту, в которой не было ожидаемой радости освобождения. Запах горячего металла и сухого ветра смешивался с неясным ощущением потери, словно она оставляла позади не только место, но и часть себя, возникшую в этих суровых условиях. Она была свободна, и всё же в глубине её души росла тихая, упрямая тоска, в которой переплетались благодарность и нечто иное, чему она пока не могла дать имени.

Глава 2. Возвращение

Москва встретила её промозглой сыростью, в которой зима уже теряет свою власть, но всё ещё не желает уходить окончательно. Снег, почерневший и рыхлый, лежал у бордюров неровными островками, медленно оседая в мутные ручьи; во дворах стояли лужи, отражавшие серое небо, а с крыш беспрерывно капала вода. И этот влажный, тяжёлый воздух ранней московской весны казался пропитанным усталостью долгой зимы. Дождь то начинался мелкой моросью, то стихал, оставляя на стекле тонкие дрожащие дорожки, и город, лишённый ещё настоящего тепла, выглядел особенно тусклым и сонным, словно сам не был уверен, пришла ли весна окончательно.

Алина сидела у окна своей квартиры, глядя Мотю, лениво растянувшуюся у неё на коленях, и смотрела на двор, где люди осторожно обходили лужи и остатки грязного снега. Всё вокруг оставалось прежним: знакомая мебель, чашка с остывшим чаем на подоконнике, шум машин за окном, влажный запах талой воды, доносящийся с улицы через неплотно закрытую раму. И всё же ей казалось, будто между той женщиной, что уезжала из Москвы несколько недель назад, и той, что теперь вернулась обратно, пролегла целая жизнь. Первые дни после возвращения она пыталась убедить себя, что ничего не изменилось: ходила на работу, открывала таблицы, отвечала на звонки, слушала бесконечные офисные разговоры. Но порой среди этих привычных звуков ей вдруг чудился совсем иной шум – сухое дыхание ветра над барханами, шорох песка, далёкие голоса людей у ночного костра. И тогда перед её глазами вновь вставала пустыня, раскалённая, бескрайняя, а вместе с ней высокий мужчина в белом, неподвижно стоящий на фоне заходящего солнца, человек, которого она тщетно пыталась забыть, потому что именно рядом с ним впервые почувствовала ту опасную, болезненную полноту жизни, которой прежде никогда не знала.

Подруги принимали её молчаливость за усталость и с привычной лёгкостью пытались свести пережитое к случайному приключению, к стрессу, который скоро пройдёт, тогда как мать, движимая тревогой, всё чаще повторяла одни и те же слова, будто молитву, в которой искала защиту для дочери от мира, казавшегося ей жестоким и чужим.

— Зачем ты едешь в эти страны? Там опасно! Женщины для них, как вещи.

Алина кивала, не находя в себе сил спорить, ибо знала: никакими словами невозможно объяснить человеку то чувство, которое оставляет после себя пустыня. Ночами же, когда квартира погружалась в тишину, и лишь дождь барабанил по карнизам, она открывала карту, находила Оман и долго смотрела на жёлтые пространства песков, будто надеялась, что за этим безмолвным изображением скрывается ответ на вопрос, не дававший ей покоя с самого возвращения. Почему он отпустил её? Почему, имея над ней полную власть, не воспользовался ею? Эта мысль преследовала её с упрямством, почти унижительным для разумного человека, и чем сильнее она пыталась прогнать её, тем глубже та проникала в сердце, превращаясь из простого любопытства в нечто похожее на внутреннюю необходимость. Иногда ей казалось, что всё произошедшее было лишь странным сном, навеянным страхом и одиночеством; однако затем она вспоминала выражение его глаз, холодную властность его голоса, ту медленную, опасную грацию, с какой он двигался, и понимала, что подобные люди не возникают из снов. Они существуют в реальности – так же неумолимо, как ветер в пустыне или море во время шторма.

Прошло две недели, прежде чем решение, зревшее внутри неё, обрело, наконец, ясность и силу. Алина уволилась из компании, где проработала около десяти лет, продала машину, начала собирать документы для сдачи квартиры. Ещё две недели ушло на сборы, прощания и бесконечные уговоры матери, которая плакала и требовала, чтобы дочь осталась. Но Алина уже не слушала чужие голоса, доверив Мотю Кате, купила билет в один конец, не позволяя

себе задумываться о последствиях. И каждый этот шаг казался ей одновременно безумием и освобождением. Катя смотрела на неё с искренним ужасом.

— Ты с ума сошла! Ипотека, кризис Ты вообще понимаешь, что делаешь?

— Я должна вернуться. Не знаю зачем.

И в этих словах была правда, пугающая своей простотой. Она действительно не понимала до конца, что ведёт её обратно через полмира. Однако чувствовала, что если останется здесь, среди мокрых улиц, офисных стен и бесконечной серой зимы, то постепенно начнёт задыхаться в собственной жизни, как птица, однажды увидевшая открытое небо и вновь запертая в клетке. Вечером она стояла у окна и смотрела на город, где машины разрезали лужи длинными полосами света, где люди спешили под зонтами, пряча лица от ветра, и вдруг поняла: пустыня давно перестала быть для неё местом. Она стала состоянием души – страшным, свободным и бесконечно живым. Тогда же она вспомнила слова Заида: «Смелость начинается со страха», – и впервые за долгое время улыбнулась. Страх по-прежнему жил в ней, но уже не управлял ею. Он лишь шёл рядом, как спутник, сопровождающий человека к чему-то неизбежному.

В Омани её никто не ждал, и это одиночество, вместо того чтобы испугать, придавало её шагам особую решимость. Она сняла комнату в Маскате и начала искать проводника, способного провести её в земли племени Аль-Рашид, однако повсюду сталкивалась с одинаковым выражением настороженности, появлявшимся на лицах собеседников, едва она произносила имя Заида.

— Это опасно.

— Туда нельзя иностранцам.

— Забудь об этих местах, женщина.

Но чем чаще она слышала отказ, тем сильнее убеждалась, что движется в верном направлении. Наконец через неделю поисков ей удалось найти старого бедуина, который некогда служил отцу Заида и помнил шейха мальчишкой. Старик долго отказывался, качал головой, повторяя:

— Опасно, женщина. Он не любит чужаков.

— Я знаю.

Но когда Алина назвала цену, втрое превышающую обычную плату за проводника, и добавила, что ей нужно не к самому шейху, а лишь к границам земель племени, он нехотя согласился.

— Зачем тебе?

Алина не ответила, потому что не существовало слов, способных объяснить ту силу, что тянула её обратно в пески. Три дня они ехали через пустыню, и с каждым часом, проведённым среди бескрайних барханов, она всё отчётливее чувствовала непонятное спокойствие, словно сама земля принимала её обратно. Ветер касался лица горячими ладонями, солнце медленно жгло кожу, а горизонт дрожал в золотом мареве, и в этом бесконечном молчании ей стало ясно, насколько шумной и пустой была её прежняя жизнь.

Лагерь Заида возник внезапно: шатры цвета песка стояли полукругом, верблюды, лениво жующие корм, и вооружённые мужчины, чьи силуэты вырисовывались у костров, создавая картину, в которой древний уклад жизни соединялся с напряжённой готовностью к опасности. Едва джип остановился, как к нему подошли двое воинов. Алину быстро вывели наружу и молча, проверили сумку, документы, и когда один из мужчин увидел русский паспорт, по лагерю прошёл шёпот.

— Аджнабия.

Она стояла под палящим солнцем и только теперь начала понимать всю глубину своей ошибки. Она не подумала о местных обычаях – в Маскате, где иностранок было много, женщины ходили в лёгких брюках и футболках, и никто не делал замечаний. Но здесь, в глубине пустыни, шорты, открывающие ноги, и тонкая рубашка, прилипшая к телу от жары, выгля-

дели почти вызывающе. Взгляды мужчин скользили по её фигуре с той откровенной тяжестью, которая заставляет женщину внезапно ощутить собственную уязвимость. Кто-то усмехнулся, кто-то сказал что-то по-арабски, и хотя она не поняла слов, смысл их уловила без труда. Ей стало холодно среди этого нестерпимого жара.

Когда Заид вышел из шатра и увидел её, в его движении появилась короткая, едва заметная пауза. Он остановился, будто не поверил собственным глазам. Алина попыталась улыбнуться, однако выражение его лица было слишком жёстким для приветствия.

— Ты, — произнёс он.

Голос его был тихим, но в нём чувствовалась такая сила, что она невольно сделала шаг назад. Он подошёл ближе, и взгляд его скользнул по её лицу, по открытым ногам, по влажной ткани рубашки, прилипшей к телу.

— Ты сумасшедшая? Ты приехала в пустыню, в мой лагерь, в таком виде?

— Я

— Ты ищешь приключений? — перебил он. — Или решила проверить, насколько далеко зайдёт моё терпение?

Он стоял слишком близко, и Алина почувствовала исходящее от него напряжение – не только гнев, но и что-то иное, куда более опасное. Она не успела ответить.

— Молчи. Иди за мной.

Он схватил её за локоть и быстро повёл через лагерь, не оставляя ей возможности возразить, и хотя мужчины расступались, их взгляды сопровождали её, вызывая в ней одновременно стыд и гнев, которые жгли её сильнее солнца. В шатре Заид резко отпустил её руку, как будто прикосновение обжигало его.

— Ты понимаешь, что здесь женщины не показывают тело чужим мужчинам? — произнёс он холодно. — Ты прошла через весь лагерь. Перед моими людьми. В шортах.

Он резко замолчал, давая ей время осознать его слова.

— Если бы ты была моей женщиной, я бы...

Он оборвал себя резко и тяжело вдохнул, будто сдерживая нечто куда более опасное, чем гнев.

— Я не знала, — выдохнула Алина.

— Нет. Ты не подумала.

Он отвернулся, провёл рукой по лицу и лишь, потом снова посмотрел на неё, однако теперь в его глазах вместе с раздражением жило другое чувство – горячее и тщательно скрываемое.

— Зачем ты приехала?

Алина прислонилась к опорному столбу шатра, внезапно чувствуя себя не смелой путешественницей, а растерянной женщиной, которая зашла слишком далеко и только теперь осознала последствия собственного безрассудства.

— Ты сказал, что смелость начинается со страха, — произнесла она тихо. — Я испугалась. А потом поняла, что хочу увидеть пустыню настоящую.

Он долго молчал, и взгляд его становился всё тяжелее.

«Безумная женщина, — подумал он. — Безрассудная и слишком красивая для этого места».

Воздух внутри шатра словно сгущался между ними, наполняясь чем-то невидимым и опасным. Заид резко отвернулся и вышел, будто оставаться рядом с ней ещё хоть минуту было для него испытанием. Снаружи послышались короткие, жёсткие приказы, и почти сразу появилась Фатима с ворохом тёмной одежды.

— Оденься, — сказала она спокойно. — Шейх сказал: если выйдешь к мужчинам в таком виде ещё раз, он сам отвезёт тебя в город.

Алина кивнула и, несмотря на дрожь в руках, медленно надела длинное платье, ощущая, как ткань окутывает тело, возвращая ей утраченное чувство защищённости. Она поймала себя на мысли, что никогда не носила платье «в пол». Платок она просто накинула на голову, перекинув край через плечо. Она всегда так делала, когда ходила в церковь, хотя мама всегда ворчала, что так нельзя, нужно обязательно повязать. Тогда она сопротивлялась и протестовала, а сейчас пришло неожиданное понимание, будто в нём скрывалось не унижение, а согласие с законами мира, в который она сама решила войти. Когда она вышла наружу, мужчины действительно отвели глаза, и невидимая граница между ней и лагерем была восстановлена.

— Идём, — сказал Заид уже спокойнее.

Он привёл её к небольшому шатру у края лагеря.

— Будешь жить здесь, пока я не решу, что с тобой делать.

— Я не пленница?

— Нет. Ты гостя. Но если выйдешь за пределы лагеря одна или снова появишься перед мужчинами в подобном виде, я не смогу тебя защитить.

Он замолчал на короткое мгновение.

— Даже от себя.

Она подняла на него глаза, и между ними снова возникло то странное напряжение, от которого сердце начинало биться слишком быстро.

— Я поняла, — сказала она.

— Я не шучу, женщина. Здесь другие законы. Если хочешь остаться, ты будешь их уважать.

— Я похожа на ту, кто не умеет себя вести?

На губах его появилась короткая усмешка.

— Ты похожа на женщину, которая прилетела через полмира ради мужчины, которого знала пять дней.

— Я прилетела не ради тебя.

Он кивнул так, будто не поверил ни единому слову.

— Ты не ранена? Я был груб.

Она коснулась локтя, где остались следы его пальцев.

— Всё в порядке.

На одно мгновение лицо его изменилось, и в этом мимолётном движении промелькнуло что-то похожее на сожаление, однако он тут же спрятал его за привычной холодностью.

— Отдыхай. Вечером принесут еду.

Когда он ушёл, Алина осталась одна, прижимая к груди край платка, и в её душе смешались противоречивые чувства – стыд, злость, тревога и то самое, острое волнение, которое она не могла объяснить. Она понимала, что сделала выбор, и теперь ей предстояло принять последствия этого выбора, научиться жить по правилам мира, который не прощает слабости.

В первую неделю она не видела Заида, и дни её проходили в медленном освоении нового уклада: она учила арабский с Фатимой и другими женщинами, привыкала к жаре, к взглядам, в которых всё ещё читалась настороженность, но постепенно эта напряжённость смягчалась, уступая место осторожному принятию.

На восьмой день он пришёл к ней вечером, сел у входа в шатёр и протянул чашку чая.

— Ты умеешь ездить на верблюде? — спросил он.

— Нет.

— Научу. Завтра.

Она не спросила зачем, просто кивнула.

На рассвете он ждал её у верблюдов, и в мягком утреннем свете его лицо казалось моложе, лишённым той суровости, что делала его недоступным.

— Боишься? — спросил он.

— Да.

— Хорошо.

Он подал ей руку, помог подняться, и, когда верблюд качнулся, она инстинктивно вцепилась в седло, ощущая, как страх и восторг переплетаются в ней, тогда как он шёл рядом, поддерживая её, слишком близко, слишком спокойно, и в этом спокойствии было нечто, что заставляло её доверять ему вопреки всему.

— Просто расслабься, — сказал Заид. — Верблюд идёт плавно, ты быстро привыкнешь.

Алина падала в песок, вскрикивала от неожиданности, но тут же смеялась. Он помогал ей подняться, и на мгновение его пальцы задержались на её руке – там, где в первый день остались синяки от его хватки. Она ловила его взгляд, и он ничего не сказав, смеялся вместе с ней. Впервые она слышала его низкий, бархатистый смех, который звучал иначе, чем его приказы, и ловила себя на мысли, что рядом с ним ощущает невероятную легкость.

— Ты смеёшься надо мной, — сказала она, отряхивая песок с платья.

— Я смеюсь потому, что ты не сдаёшься, — улыбнулся он шире. — Большинство туристов после первого падения отказываются продолжать.

— Я не большинство, — парировала она.

— Это я уже понял.

— Почему ты отпустил меня тогда? — спросила она, когда они остановились в тени.

— Потому что ты была свободна. Я не имел права держать тебя.

— А теперь?

— Теперь ты сама сделала выбор.

Она не до конца понимала смысл его слов, но запомнила выражение его лица, в котором появилась едва заметная улыбка, и это воспоминание стало для неё чем-то значимым и сокровенным. Постепенно жизнь в лагере переставала казаться ей чужой: женщины начали здороваться с ней, дети перестали прятаться, и язык, который сначала казался непреодолимой преградой, медленно открывался ей, как ещё одна дверь в этот мир. Они ездили на верблюдах каждое утро, и он рассказывал ей о своём детстве, о том, как стал шейхом в восемнадцать лет, и в этих рассказах открывался иной Заид – не только правитель, но человек, в котором когда-то жила мечта, уступившая место долгу.

— Я не хотел быть правителем. Я хотел быть поэтом.

— Поэтом?

— Моя мать говорила, что у меня душа бедуина. Но долг оказался сильнее.

— Ты жалеешь?

— Не жалею. Но иногда думаю, что если бы был поэтом, написал бы стихи о женщине, которая прилетела через полмира, чтобы увидеть пустыню.

Алина отвела глаза.

— Это неразумно.

— Это смело. И красиво.

Они замолчали, и в этой тишине, наполненной шёпотом ветра и мягким сиянием солнца, Алина вдруг ясно почувствовала, как рушатся последние преграды, которые она воздвигла вокруг себя. И осознала с неожиданной ясностью, что этот путь привёл её сюда не случайно: она искала пустыню, но нашла нечто большее, нечто, что уже невозможно было отделить от её собственной судьбы.

Глава 3. Стихи на песке

Их утренние выезды вскоре обрели привычную регулярность, которая рождалась из тихого внутреннего влечения, и Алина начала ждать этих часов с тем нетерпением, которое скрывают даже от самих себя, опасаясь разрушить словами хрупкость чувства, едва успевшего возникнуть. Пустыня рядом с Заидом переставала казаться ей безмолвной: в его присутствии она словно оживала, меняла дыхание, отвечала ему движением света по барханам, сухим шелестом ветра, невидимыми тропами, которые он угадывал безошибочно, будто сам был частью этих песков. Иногда ей казалось, что он знает пустыню так же, как человек знает собственное тело: где под песком скрыт камень, где после редкого дождя собирается вода, где ветер меняет направление перед бурей. И чем дольше она наблюдала за ним, тем яснее понимала, что его власть над людьми рождалась не из страха, а из той древней уверенности, с какой сама земля принимала его шаги.

Однажды они остановились у старого колодца, высеченного в скале ещё в те времена, когда через эти земли проходили караваны с ладаном и серебром. Камень вокруг был тёмным от времени, иссечённым чужими именами и молитвами. В тени скалы воздух становился прохладнее, и Алина, сидя рядом, наблюдала, как пальцы Заида скользят по выцветшим арабским надписям, будто он пытался услышать голоса давно умерших людей.

— Ты говоришь с пустыней, — сказала она тихо.

Он не сразу ответил.

— Нет. Это она говорит со мной. С самого детства.

Её взгляд задержался на его лице. В эти минуты в нём исчезала привычная жёсткость; он становился моложе, почти тем мальчишкой, которого она ещё не знала, но уже начинала угадывать сквозь образ шейха.

— С самого детства? — спросила она.

Он кивнул и впервые сам заговорил о прошлом, не отводя разговора в сторону, не пряча воспоминания за холодной усмешкой, позволяя себе довериться этой женщине. Он рассказал, как отец брал его в дальние переходы, где ребёнок учился отличать след лисицы от следа шакала, находить дорогу по звёздам и понимать ветер раньше, чем тот поднимал песок. Рассказал, как однажды они заблудились и трое суток шли без воды под раскалённым солнцем.

— Я думал, что умру, — произнёс он спокойно, словно говорил о чём-то далёком и уже не принадлежащем ему. — А отец смеялся.

— Смеялся?

— Он сказал: «Пустыня забирает только тех, кто её не уважает». Потом спросил: «Ты её уважаешь?» Я ответил — да. Тогда он отдал мне последний глоток воды.

Алина невольно нахмурилась.

— А сам?

— Не пил до вечера.

Она долго молчала.

— Твой отец был сильным человеком.

— Жестоким, — поправил Заид. — Но в пустыне это почти одно и то же.

Он поднял пригоршню песка и медленно выпустил его сквозь пальцы.

— Он говорил, что сила — не в умении ударить. Сильнее тот, кто умеет ждать.

Алина слушала его и чувствовала, как прежняя настороженность уступает чему-то иному, более опасному, ибо оно разрушало привычную дистанцию между ними. Этот человек, который прежде казался ей беспощадным, теперь открывался с неожиданной стороны — не слабой, нет, а живой и уязвимой. И именно это пугало её сильнее всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.